

Т. П. Евсеева

ПОЭТИКА БРИТАНСКИХ МИФОВ И ЛЕГЕНД В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА МАРТИНА

Был путь далек, и ветер зол,
Был стар певец и еле шел:
Щека в рубцах, седая прядь –
Поворотить бы время вспять!
Нес арфу отрок-сирота,
Усладу слуху и устам.
Последний бард на островах,
Он пел о рыцарских веках;
Те времена прошли, увы!
И братья барды все мертвы;
И он, презрен и небрежим,
Покоя ищет ближе к ним.
Вальтер Скотт
Песнь последнего менестреля
[1, с. 16].

«Высоко в горах Шотландии, где ветры вторят зову беспокойных морей, где деревья нашептывают о далеких минувших временах, вечерами то и дело загорается торфяной костер. Вокруг него сплетается нить преданий, вышиваются мифы, завораживают слушателя легенды.

Маленький лесной народец спует между деревьями. А вон за тем холмом раскинулось озеро, и в нем живет чудовище, но пока что оно затаилось и сидит тихо, дожидаясь дня, когда люди сочтут деревенские суеверия сущей чепухой и позабудут их, — вот тогда-то оно и покажет на что способно! А на том зеленом бугорке живут феи, это уж точно...

И рассказчики пододвигаются поближе к костру, и усаживаются ближе друг к другу, потому что стоит ночи раскинуть свой покров над долинами, как все сверхъестественное тут же оживает...

Так слагались и передавались из уст в уста шотландские мифы и легенды, народные предания и сказки. Рассказчиком мог быть и пастух, и мельник, и житель ближайшей деревни, а иной раз и путник, пришедший издалека. Кто знает, сам ли он выдумал свою историю или пересказал то, что слышал от прабабки, а та, в свою очередь, — от своих предков...

Это может быть местное предание, иной раз совсем молодое или такое же старое, как та земля, на которой, не угасая, горит этот костер» [1, с. 6].

Благодаря основателю жанра исторического романа Вальтеру Скотту (1771–1832) в английском обществе в XIX в. возник интерес к северным землям острова. Писатель возродил историческую память народа в 1810-е годы, открыл Шотландию не только для всего мира, но в первую очередь для Британии. Детство писатель

Евсеева Татьяна Павловна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; e-mail: tevseeva@hotmail.co.uk

провел около границы Шотландии и Англии, слушая народные легенды и баллады о славном прошлом. В 1802 г. Вальтер Скотт опубликовал избранные баллады «Песни шотландской границы». Эта книга принесла ему известность. В 1805 г. писатель впервые напечатал поэму собственного сочинения «Песнь последнего менестреля». Позднее он посвятил себя собиранию фольклора и созданию основанных на нем романов. Однако историзм произведений Скотта был внешний, в первую очередь он, как и многие творческие личности эпохи Романтизма, концентрировался на атмосфере и колорите эпохи, нежели на ее детальном воссоздании.

Английский художник Джон Мартин (1789–1854), как и Вальтер Скотт, родился недалеко от границы Англии и Шотландии. Этот вопрос автор довольно подробно осветил в статье «Прошлое и настоящее Нортумберленда: Джон Мартин — архитектор будущего» [2]. В дополнение к исследованию представляется необходимым отметить еще несколько аспектов проблемы. Около 590 г. те земли, где спустя несколько столетий родились и великий романист, и знаменитый художник, были единой частью королевства. Тогда «территория Нортумбрии простиралась от Хумбера до Форта, а в глубь страны — до Пеннинских гор и верховий Твида <...> и почти до конца VII века Нортумбрия занимала доминирующее положение в той группе государственных образований, которая со временем объединится под общим названием «Англия» [3, с. 57–69]. Тогда же королевство пережило религиозное возрождение: «в короткое время Нортумбрия вновь приняла крещение, а миссия Аэдана¹ увенчалась таким успехом, что в последующие 100 лет эта страна стала интеллектуальным центром Англии, соперником Ионы и великих ирландских монастырей, а нортумбрийские ученые несли свет знаний в континентальную Европу, которая на тот момент не могла похвалиться высоким уровнем культуры и учености. В Нортумбрии были записаны лучшие образцы древнеанглийской поэзии, а Линдисфарнские Евангелия показывают, как гэльское влияние способствовало возникновению здесь замечательного декоративного искусства» [3, с. 71].

Отмечая строго ортодоксальное религиозное воспитание Мартина и в то же время склонность всей его семьи к творческому переосмыслению действительности, необходимо процитировать рассуждения Мэри Пендеред, автора первой монографии об английском самобытном живописце и графике. Отрицая факт психических отклонений у родных братьев художника, она замечает: «По всей вероятности, это больше походило на сверхизбыток у них всех умственной энергии, которой, возможно, благоприятствовала атмосфера кальвинизма, с одной стороны ведущей к фанатизму, а с другой — к одаренности, находившей свое главное вдохновение в Библии» [4, р. 11]. Своеобразие творчества Джона Мартина — художника Апокалипсиса не только в его обращении к Библии, а именно в выборе тем: библейских сюжетов-катастроф падений и разрушений великих цивилизаций. Истоки этого оригинального мышления скрыты в национальном менталитете людей, живших на северной границы Англии, так близко от Шотландии². Сэр Джордж Дуглас (1856–1935)³ на

¹ Св. Аэдан (550–632 гг.) — епископ, ученый из ирландского монастыря св. Ионы, основатель аббатства в Нортумбрии.

² Судьбы стран-соседей сплелись в 1603 г., когда шотландский король Яков VI Стюарт (1566–1625) стал одновременно королем Англии Яковом I. 1 мая 1707 г. вступил в силу Акт об унии Шотландии и Англии: на карте мира появилась Великобритания.

³ Шотландский поэт и писатель.

лекции о легендах и преданиях этой страны, прочитанной в Королевском обществе 29 января 1892 г., отметил: «В английских преданиях рассказывается о феях, которых видели на зеленых лужайках в сумерках или при лунном свете, о помощи, оказанной феям смертными людьми, за которую последние были сполна вознаграждены. Аналогичные сказки существуют и у шотландского крестьянства. Но не такие легкие, грациозные и безобидные создания близки по духу гению шотландской нации. Этот гений, по существу, мрачен, хотя и не лишен грубоватого чувства юмора, ему ближе темнота, чем свет. Враждебный характер природы, ее постоянство в сравнении с временным характером человеческой жизни, ее превосходство в непрекращающейся борьбе с ней человека, борьбе, в которой он отстаивает свое право на жизнь, получая временные пустынные преимущества, при этом признавая с самого начала, что ведет неравный бой, — все эти факторы, как и бесплодная земля и суровый климат, насильственно навязали особое свойство воображению шотландского народа, и оставили глубокое впечатление <...> Суровая природа породила суеверия, а через них определила и рассказы шотландского крестьянства. И именно следствием суровости природы стало, вероятно, более сильное, чем у любой другой нации, чувство судьбы и рока, тайны жизни и смерти, жестокости неизбежного, горечи разлуки, тьмы, обволакивающей все. В этом плане шотландцы — нация пессимистов. Они нашли свое призвание свыше в кальвинизме, самой мрачной и страшной из религиозных течений. Дух кальвинизма пронизывает шотландскую мифологию и устное творчество. Шотландцы почитали дьявола и стремились к умиротворению сил зла» [5, с. 12–13]. «Тему судьбы и рока, тайны жизни и смерти, жестокости неизбежного, горечи разлуки, тьмы, обволакивающей все» в английской литературе отразили в своих произведениях классики романтизма: Джордж Байрон (1788–1824) и Мэри Шелли (1797–1851), которые провели в Шотландии какую-то часть своего отрочества. Джон Мартин отчасти перенес философию кальвинизма в свои картины катастроф и разрушений, однако очень часто проецировал их художественные идеи сквозь призму поэтики британских легенд и мифов.

В 1817 г. Мартин отдал дань памяти знаменитому английскому поэту Томасу Грею (1716–1771) и обратился к его знаменитой поэме «Бард», возможно, художник считал Грея великим последним лирическим певцом Британии. Романтики вдохнули новый смысл в легендарный символ понятия «бард» в эпоху вновь вернувшихся к жизни кельтских легенд, в эпоху неорудуизма. Средневековая валлийская литература XIV в. сохранила для XIX в. и старинные сказки «Мабиногион», и христианские религиозные тексты, переведенные с латинского, и коллекцию стихов поэтов VI–VII вв. Анеирин и Талеисина, и сказания о короле Артуре. Профессиональные хроникеры-певцы при короле должны были воспевать своего покровителя и высмеивать его врагов. Считалось, что меткая сатира может вызвать фурункулы на лице соперника. Романтики же стали называть бардами лирических поэтов, воспевающих возвышенные человеческие чувства и образы природы. В первую очередь понятие «бард» подразумевало национального поэта Англии Уильяма Шекспира (1564–1616). «Шотландским бардом» современники называли поэта Роберта Бернса (1759–1796), «бардом Рэйдал Моунта» — певца этой местности Уильяма Вордсворта (1770–1850), а поэта Александра Поупа (1688–1744) — «бардом Твикенхэма».

Тема легендарных сказителей была очень популярна на Британских островах как в литературе, так и в изобразительном искусстве. К этой теме обращались мно-

гие живописцы: в 1774 г. пейзажист Томас Джонс (1742–1803); в 1778 г. Бенджамин Уэст (1738–1820) — второй президент Королевской Академии художеств; в 1809 г. Уильям Блейк (1757–1827), однако лишь Мартин придал этой сцене эпичность и возвышенность звучания: небольшая фигура персонажа — смысловая и идейная, держащая в психологическом напряжении зрителя, центр композиции. Художник выбрал кульминационный момент поэмы Грея — самоубийство последнего сказителя (1283). Единственный человек из Уэльса, спасшийся от резни, устроенной по приказу короля Эдуарда Первого (1239–1307), присоединившего эту часть к Англии, стоит на скале, проклиная уходящие отряды врагов. Динамичная фигура барда изображена на высоком горном массиве в правой части композиции. Он весь устремлен к краю обрыва. Широким движением правой руки певец только что закончил балладу финальным аккордом. Кажется, слышны еще яростные звуки, дрожащие в прозрачном воздухе и разносящиеся далеко к горам на дальнем плане картины. Развевающийся на ветру плащ подчеркивает экспрессивное движение человека. Направление его ненавидящего взгляда устремлено вниз по диагонали через бушующие потоки воды на петляющую дорогу, по которой уходит конница англичан по направлению к захваченному замку вдали. Грей так описал это событие: «На скале, чье надменное чело хмурится, а насупивший взгляд взирает вниз, на пенящийся бурный поток, одетый в мрачный наряд из скорби и горя, стоит Поэт, борода и седые волосы развеваются и устремляются, подобно метеору, по ветру, наполненному предвестьем бури» [6, р. 29]. Через секунду род сказителей перестанет существовать, и последний представитель его бросится в бушующий поток на острые камни прямо под утесом. «Вся картина — это яростное, решительное столкновение могущества, силы и права, справедливости, реалистичности, правдивого и вымышленного, идеального, и все это неподвластно течению времени, но сочетается в одном образе и характере до тех пор, пока, как в последней строке поэмы, бард заканчивает счеты с жизнью “он нырнул глубоко в ревущий поток и ушел в бесконечную ночь”, — чтобы найти свои воды Забвения» [6, р. 32].

В 1820 г. Мартин впервые обратился к национальной истории. Он написал картину «Макбет» на сюжет Уильяма Шекспира о предательстве и его последствиях (около 1603–1607). Великий драматург опирался на исторические шотландские летописи «Хроники Холиншеда» (1587) и источники, описывающие историю Англии, Шотландии и Ирландии. Пьеса была показана впервые в 1611 г. в театре «Глобус». С тех пор она начала свое победное шествие по различным театральным площадкам. Образ шотландского короля привлекал самых различных актеров, а изображение этой истории — многих художников. В английскую иконографию внесли свой вклад Джон Уотон (1682–1764) в 1750 г., Франческо Зикарелли (1702–1788) в 1767 г. и Джордж Ромни (1734–1802), иллюстрировавшие сцену встречи Макбета с парками. Иоганн Зоффани (1773–1810) — немецкий придворный художник короля Георга III запечатлел театральную сцену «Давид Гаррик и миссис Притчард в “Макбете” 1768 года». Для Фюзсли пьеса послужила отправной точкой для создания многих известных фантастических композиций, начиная с 1780-х годов. Блейк нарисовал несколько графических листов в 1795 г. Джон Мартин продолжил эту традицию. Ему легко представилась картина, разворачивающаяся в родном ему с детства нортумбрианском пейзаже. Он обратился к замыслу пьесы Шекспира, где предсказывается будущая судьба и история шотландского народа. Генералы армии Макбет и Банко

только что разбили норвежцев и возвращаются в военный лагерь близ Фарреса к королю Дункану. В результате наваждения в степи в закатный час под раскаты грома появляются три ведьмы. Они трижды приветствуют Макбета — как Гиамисского тана (это его наследственный титул), затем как тана Кавдорского и, наконец, как будущего короля. Банко не пугается, просит inferнальные силы предсказать судьбу и ему. Художник почти буквально следует драматургу и изображает мистический момент предсказания. Согласно тексту Шекспира мастер представляет в прозрачном пузыре три бестелесные женские фигуры, держащиеся за руки, в левом нижнем углу холста. Зигзаг молнии подчеркивает их движение и уводит взгляд зрителя к освещенной красными отблесками гряде скал. Справа от ведьм в центре на горной площадке изображены в традиционных шотландских килтах фигуры главных героев. Макбет в удивлении закрывается рукой. Банко сдержан. В правой части картины, за спинами генералов внизу в долине показана их армия, размещенная в пространстве, подобно извивающемуся телу змеи, — это символ будущего предательства Макбетом короля. Пейзаж композиции грандиозен и величествен. Мартин с любовью написал родные английские «Альпы», которые подчеркивают и историзм, и сакральность происходящего события. Арка, созданная на небесах мастером с помощью света и тени, подобна радуге и композиционно подчеркивает расположение героев на земле. «По утверждению Леопольда Мартина⁴, когда сэр Вальтер Скотт посетил мастерскую Мартина в 1831 году, он пришел от картины в неопишуемый восторг и очень сожалел, что не может позволить себе приобрести ее» [6, p. 48].

В 1849 г. Мартин обращается к легендам о короле Артуре — легендарном вожде бриттов V–VI вв., разгромившем завоевателей-саксов, центральном герое британского эпоса и многочисленных рыцарских романов. Для художника важно, что «Артур был христианином, а англосаксы — варварами и язычниками. Британия и Ирландия приняли христианство еще до прихода англосаксов, поэтому кельтские сказания, созданные на Британских островах, во многом несут христианскую идею. Но эта идея у кельтов зачастую воплощалась в языческих образах. Не случайно странствия артуровских рыцарей изобилуют встречами с волшебниками, великанами, феями, магами, таинственными девами, повелевающими озерами и лесами, и чудесными животными, а сам Артур в конце своего жизненного пути уплывает в волшебной ладье на остров Авалон — в долину бессмертных» [7, с. 234]. Литературным источником для Мартина послужила эпическая новелла английского писателя барона Эдварда Бульвера-Литтона (1803–1873) «Король Артур», опубликованная годом ранее. Художник выбрал сюжет «Король Артур и Игрейна в счастливой долине». Его привлекли романтические строки:

«... и вот когда ночь мягко окутала их
снова и снова их счастливые глаза взирали на луну —
и, рука в руке, они бродили по прекрасному острову»
[6, p. 183].

Свидание главных героев мастер изобразил в левой части композиции. Белое платье Игрейны выделяется на фоне причудливого рельефа берега и темно-синем

⁴ Леопольд Мартин (1817–1889) — сын Джона Мартина, написал «Воспоминания о Джоне Мартине».

фоне воды. Женщина обнимает короля Артура, закутанного в красный плащ, с короной, знаком царской власти на голове. Лунная дорожка и огромное звездное небо создают мистический сказочный пейзаж. Долина погружена в таинство ночи. В правой части холста на другом берегу расположены жилища, отсвечивающие красными огоньками в водной глади. Над ними художник осветил горы. Всполохи белых полос на небе размещены мастером над головами Игрейны и короля Артура. Живописец главной своей художественной задачей считал нарисовать точную астрономическую картину звездного неба. «Как всегда, Мартин строго следует тексту изображаемого сюжета, добавляя свою смесь из почти фантастических воспоминаний и реальных наблюдений: “При выполнении иллюстраций к этой поэме я вспомнил одну чудную ночь, это было около двадцати лет назад, она была восхитительна, воздух был необычайно чист, звезды сияли на небе, нет, никогда эта картина не изгладится из памяти. Ну что же, если мне не удалось отдать должное поэту, то я хотя бы доставлю удовольствие астрономам, потому что я приложил все усилия, чтобы сделать свою картину астрономически верной”» [6, p. 184].

В это же время художник написал картину «Остров Мэн». Расположение этого места географически уникально — он находится в центре Северного Ирландского моря, примерно на равном расстоянии от Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии. В IX в. его оккупировали викинги. В 1266 г. он стал частью Шотландии. Английская корона утвердила свое феодальное господство в 1399 г. И хотя остров в государственном измерении принадлежит Соединенному королевству, его внутренние дела решают собственные правительство и парламент. Это единственное на сегодняшний день место на Британских островах, которое не имеет представительства в парламенте Великобритании. Аура этого места буквально пропитана мифами и легендами, пришедшими из норвежского, ирландского, шотландского, гэльского и валлийского фольклора. В соответствии с ирландским сказанием легендарный гигант Финн Мак Кулл оторвал часть Земли и бросил в шотландского соперника, но промахнулся, и кусок упал в море. Так возник Мэн. Кельтский бог моря Мананнан Мак Лир оборачивает свой туманный плащ из облаков вокруг острова, чтобы скрыть его от врагов. Старая поговорка повествует о том, что с вершины самой высокой горы Шаефелл (620 м) можно увидеть шесть царств: Мэнну, Шотландию, Англию, Ирландию, Уэльс и Небеса (Рай). Некоторые версии добавляют седьмое королевство — морское или царство Нептуна.

На острове находится и замок Пил — по преданию легендарный Авалон или замок Грааля, место, где король Артур оправлялся от раны, полученной после битвы при Камланне. (Говорят, что некоторые жители видят по ночам черную собаку — привидение, охраняющую замок, и верят, что в годы лихих испытаний король вернется, чтобы спасти Британию.)

В народном фольклоре Мэн — это дом женских волшебниц. На острове есть известный мост Фей. До сих пор, проходя по нему, надо пожелать доброго утра или дня эльфам, если хочешь привлечь удачу, а не беду на свою сторону. Принято и оставлять на мосту монетки. Устная традиция перешла в литературные тексты. «Остров яблоч» был местом мистической практики мощной колдуньи в легендах о короле Артуре феи Морганы. В некоторых источниках она названа сводной сестрой короля и известной целительницей. Она приготовила волшебный бальзам для раны короля. Автор считает, что именно ее изобразил художник на своей картине. В центре

композиции — лесной ручеек. Имя Моргана с валлийского и бретонского языков переводится как дух воды. На картине происходит мистическое действо. Справа от ручейка девушка в красном платье выпустила из рук алые цветы, и они летят по ветру подобно языкам пламени. Происходит колдовской обряд в глухой и уединенной чаще. Священная роща — лес друидов за спиной героини ограждает волшебницу от любопытных взглядов, и только зрителю, рассматривающему картину, удастся стать свидетелем сакрального действия. Пики гор за стеной деревьев и озеро разворачивают ландшафтную панораму в пространстве.

Интересно отметить тот факт, что древние викинги, живущие на острове Мэн, были связаны с Сицилией норманнскими завоеваниями Южной Италии. Словосочетание «Фата Моргана» в итальянском языке обозначает мираж у морских берегов, а сама колдунья живет на горе Этна. В французских песнопениях менестрелей фея Моргана — мать сказочного короля Оберона, который есть не кто иной, как Юлий Цезарь.

В 1851 г. Мартин приступает к работе над своей знаменитой трилогией картин, написанных в последние годы его жизни: «Великий день Его гнева», «Страшный Суд» и «Равнины небес».

Необходимо отметить, что в 1833 г. Мартин написал акварель «Килмени». Литературным источником для него послужила очаровательная баллада 1813 г. шотландского поэта Джеймса Хогга (1770–1835). Хогг родился в шотландской Аркадии — Эттрикском лесу и поначалу был пастухом. Слава его знаменитого земляка Роберта Бернса (1759–1796) не давала ему покоя, и, бродя со стадами по зеленым равнинам, он начал сочинять стихи. Его талант обнаружил Вальтер Скотт, которому впоследствии поэт помогал собирать народные песни и фольклор. Джеймс Хогг в истории английской литературы известен и как писатель-фантаст, создатель готического романа «Признания грешника в свое оправдание» (1824), который в состоянии одержимости совершает серийные убийства. Мысли об убийстве ему внушает демонический двойник. Несомненный интерес вызывает намек автора английскому читателю, что это русский царь Петр, инкогнито путешествующий по Европе. На русский язык этот роман не переведен до сих пор.

Однажды Хогг уснул на покрытом мягкой травой склоне холма, и ему приснилась Килмени — девушка, любившая и ценившая уединение. Гуляя как-то в сумерках, она исчезла в долине. Напрасно друзья искали ее повсюду. Прошло семь лет, и в таких же сумерках она неожиданно вернулась домой. Оказалось, что ее похитили феи, и с их помощью она совершила путешествие вокруг света. Богатый запас шотландского фольклора всегда описывал идею встречи с параллельными мирами или путешествия в другие миры, которые меняют людей. Феи сперва показали Килмени свою волшебную страну «земля, где никогда не было греха, земля любви, земля света». Но они предупреждают ее, что «должно прийти время, когда ангелы будут плакать». И они показывают ей «сумеречный мир духов, мир теней — страну, где все забывается» [5, с.11–12].

Мир греха, скорби и страха, —
Подобно сорванному прекрасному цветку
Лежал мертвый мир.
Гроб был установлен на прекрасной равнине.

И Килмени увидела красные потоки крови
Как сплошной дождь.
(Подстрочник Т. Е.)

Когда феи не смогли больше удерживать девушку, она предпочла вернуться домой, нежели остаться в их прекрасной стране, — вернуться, чтобы рассказать людям о мире скорби и страха и предупредить их.

Как представляется автору, именно этот литературный сюжет также стал источником вдохновения для создания трилогии, помимо Библии. Подобно легендам о короле Артуре, Мартин синтезировал христианскую идею библейских текстов с волшебной поэтикой языческих образов стихотворений Хогга.

Отмечая самобытность и своеобразие шотландского характера, исследовательница Мак-Кензи писала: «Я имею в виду необычайное сочетание, проявляющееся не только в национальном характере, но и в отдельных индивидуумах: суровой скрытности и страстной откровенности, сдержанного юмора в момент душевного порыва и — в зависимости от личных качеств — силы с глубокой нежностью или насилия с сентиментальностью. Несомненно также и то, что такая противоречивость способствует подсознательному конфликту, который может затормозить или парализовать человека, даже свести его с ума (процент безумных в нашей стране довольно высок), или, будучи преодоленным, привести к осознанию полноты и единства бытия, способности связывать воедино на первый взгляд разрозненные вещи. Я вижу признак здоровья нации в том, что шотландцы никогда не доверяли узкой специализации. Сложно сказать, откуда пришла к нам характерная способность к дедуктивной логике, к проведению в жизнь абстрактных принципов. Как и многое другое, эта черта роднит нас с французами⁵, и, как французы, мы время от времени жестоко расплачиваемся за нее» [3, с. 51].

Для усиления художественного эффекта в левой части триптиха «Великий день Его гнева» Мартин изобразил «красные потоки крови как сплошной дождь». Он запечатлел время, когда ангелы плачут. В центральной картине трилогии «Страшный суд» живописец использовал прием симультанности по отношению к показу этого события. В средневековом театре это французское слово обозначало одновременную установку на сценической площадке всех мест действия, необходимых для представления. Подобно этому художник синхронизировал в одну композиционную сцену разные главы Библии, последовательно описывающие канву «Страшного суда»: глава 4 — «старцы, облаченные в белые одежды, на головах золотые венцы»; глава 8 — «четыре ангела, трубящие в трубы после открытия седьмой печати», «ангел, летящий посреди неба и говорящий громким голосом: горе...»; глава 9 — «звезда, которая падает с неба и создает бездны: и возник дым из ямы, как дым из большой печи». Правая часть триптиха «Равнины небес» подобна изображению волшебной страны фей «земля, где никогда не было греха, земля любви, земля света». Праведники приплывают к ангелам в ладьях, подобно путешествию короля Артура в сказочный Авалон — долину бессмертных.

Как уже отмечалось выше, левая часть триптиха представлена картиной «Великий день Его гнева». Слева в сцене «Страшного суда» в традиционной иконографии

⁵ В 1018 г., при короле Малькольме II (около 980–1034), Шотландия обрела независимость, для сохранения которой во время Столетней войны (1337–1453) заключила союз с Францией.

всегда изображались грешники. Мартин использовал этот прием для отдельного холста, чтобы визуализировать моральное напоминание для современников. Центр композиции — как бы кровавое огненное озеро, напоминающее зрителям одновременно и о «Пандемониуме», и о «Потопе». Мартин выбрал самое сильное сочетание цветов — красный на черном фоне. Под символом условного озера изображена темная воронка бездны, втягивающая в себя грешников. В этой живописной работе тот якобы художественный «недостаток» композиций мастера, в котором упрекали его некоторые критики — слишком маленькие фигурки персонажей среди бескрайнего пейзажа, превратился в ее бесспорное достоинство. Эта картина — истинное изображение Апокалипсиса в представлении людей, она печатается во многих исследованиях на эту тему. По контрасту с миниатюрными фигурками человеческих существ огромные булыжники, катящиеся с горы в левом верхнем углу картины, кажутся поистине гигантскими. На картине художник изобразил неопикуемый ужас людей и полную невозможность спастись от неотвратимого наказания. С правого верхнего угла холста на них стремительно накатывается цунами раскаленного пепла и лавы. Справа и слева от воронки на переднем плане композиции падают в бездну грешники. Две обнаженные фигуры, фланкирующие воронку, — это цитаты из «Последнего суда» Микеланджело (1475–1564).

Центральная картина трилогии — «Последний суд». Тема Страшного суда — главное событие в книге Откровения. Смысловым и идейным центром композиции стал Господь, восседающий на небесном престоле. И слева от него и справа — одинаковое, использованное художником, композиционное построение: два ряда коленапоклоненных ангелов, ряд стоящих и фигуры изображенных отдельно небесных созданий. Правая часть композиции представляет сцену наказания грешников. Здесь изображены трубящий ангел в белом после открытия седьмой печати и контрастирующая с ним черная фигура другого создания (мастер перенес ее в эту картину из своей гравюры «Ангел разрушения»). Ангел взмахивает жезлом для исполнения божьей воли. Чтобы привлечь внимание зрителя к этой части картины, Мартин использовал колористическое сочетание красного закатного солнца на пылающем небе на фоне темного, красного, апокалиптического пейзажа. Масштабно изображенная женщина с поднятой вверх рукой на первом плане картины тщетно пытается остановить исполнение приговора. Это дочь Ирода. Около ее ног представлены лежащие на земле и дрожащие от страха священнослужитель высокого ранга и монах, которые в течение жизни стяжали для себя мирские блага. Рядом с ними возлежит на земле вавилонская блудница. Порочность этой группы подчеркивается символическим изображением обнаженной девушки. Согласно библейскому тексту, с неба падает звезда и создает бездны. Маленькие фигурки грешников слева от главной группы уже падают в разверзшуюся пропасть, а справа — молятся под предводительством другого священнослужителя (стоящего спиной к зрителю) и умоляют простить их. Воронка втягивает в себя и их порочные «Содом и Гоморру» вместе со всеми постройками. Безусловно, интересно отметить тот факт, что современная художнику Англия покрылась сетью железных дорог, и Мартин, всегда с пристальным вниманием следящий за техническим прогрессом, ввел в композицию изображения миниатюрных железнодорожных поездов с надписями на вагонах «Лондон» и «Париж». Они также падают в бездну.

В левой части картины Мартин изобразил небесный город Иерусалим. Там же ангел простирает свою руку в благословляющем жесте над праведниками в понима-

нии мастера. Он представил портреты знаменитых людей. «Элизиум» ирландского художника Джеймса Барри (1741–1806), шестая настенная живопись в серии «Прогресс человеческой культуры» (1779–1783), украшающая Большой зал в обществе поощрения художников, предпринимателей и торговли в Лондоне, несомненно, вдохновила создателя «Последнего суда» на портреты деятелей изящных искусств.

Для современного зрителя интересен выбор Мартина. Он представил Джона Уэсли (1703–1791) — священнослужителя англиканской церкви и христианского теолога, основателя методистского движения, которое привело к религиозному возрождению XVIII в. Мартину были близки его идеи. В отличие от кальвинистов, верящих в то, что только некоторые люди избраны Богом для спасения, а другие прокляты, Уэсли проповедовал, что все люди могут спастись верою во Христа. Он выступал против смертной казни и работорговли, призывал к «святости сердца и жизни». Увидев, что церковь не может призвать грешников к покаянию, так как многие священнослужители были коррумпированы, а прихожане не верили им, переставали ходить в церковь и гибли в своих грехах, Уэсли вернулся к апостольскому преемству и личному примеру ранних христиан. Его последователи-пастыри проповедовали не в зданиях церкви, а на открытых площадках полей, равнин, деревень и городов по всей Англии.

Томас Мор (1478–1535) привлек Мартина как нестандартный мыслитель и писатель и как святой католической церкви. Рим канонизировал его за приверженность вере. Он выступал против Мартина Лютера (1483–1546) как придворный писатель Генриха VIII (1491–1547), а потом и против своего короля, возглавившего протестантскую Реформацию и отделившего английскую церковь от римской в угоду собственной жеманности. Мор создал образ идеального правителя в своем труде «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516). Он представил в своей книге первую социально справедливую систему. Мор критиковал огораживание — захват общинных земель, приводивший к разорению крестьян. Высмеивал тунеядство и разврат церковных служителей. Осуждал монарший деспотизм и самодурство. Был против политики войн и смертной казни. Мыслитель в своем труде создал идеальное общество, где отменены частная собственность и деньги, где нет прежней эксплуатации, хотя и остается рабство. Государство построено на принципах демократии, и все должности там выборные. Что было новым и необычным для того времени — Мор выступал и за полное равноправие женщин. Он считал, что девушки также способны к научным достижениям, как и мужчины.

Мартин ввел в свою композицию и образ своего идеального правителя — Кнута IV (1042–1086), святого, мученика и благочестивого датского короля, племянника Кнута Великого (994/995–1035), правившего Англией, Данией и Норвегией до 1035 г. Римско-католическая церковь канонизировала Кнута IV за усиление власти церкви, неукоснительное соблюдение религиозных праздников в стране и мученическую смерть. Король Дании считал корону Англии принадлежащей ему по праву, а Вильгельма I (1027/1028–1087) — самозванцем и готовил флот для захвата Альбиона. Когда Кнут IV спасался от крестьянского восстания вместе со своей свитой в здании церкви, он был предательски убит в храме перед алтарем. Неудачное вторжение датского короля в Англию ознаменовало собой конец эпохи славных викингов в британской истории. Необходимо отметить, что художник и раньше обращался

к теме датского короля. В 1843 г., что необычно для Мартина, мастер решил принять участие в выставке карикатур в Парламенте и создал рисунки «Две головы» и «Испытание Кнута», но был раскритикован Джоном Рескином (1819–1900).

Художник считал себя вправе отнести к праведникам еще нескольких государственных деятелей. Жан-Батист Кольбер (1619–1683) был министром финансов Франции с 1665 по 1683 г. во время правления Людовика XIV. Его экономические реформы обогатили страну, а сам министр внес большой вклад в культуру как покровитель искусств. Мартина всегда восхищала личность первого президента Америки Джорджа Вашингтона (1732–1799). Его мудрая политика была построена на невмешательстве молодого государства в разорительные европейские конфликты, на демократических преобразованиях и уважении всех граждан к Конституции как основному закону страны, основанному на принципах религии и морали.

В сцене «Страшного суда» Мартин написал известных художников: Рафаэля (1483–1520), Микеланджело, Леонардо да Винчи (1452–1519), Тициана (1488/1490–1596) и Рубенса (1577–1640). Из поэтов художник представил великого Шекспира, основателя французской трагедии XVII в. Пьера Корнеля (1606–1684) и отца английской литературы Джеффри Чосера (1343–1400). В средние века доминирующими литературными языками в Англии были латинский и французский. Чосер стал сочинять свои стихи на английском с использованием народной лексики. Он первый удостоился чести быть похороненным в уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве.

Среди праведников присутствуют и всемирно известные ученые. Это Николай Коперник (1473–1543) — польский математик и астроном, положивший начало первой научной революции, шотландский инженер Джеймс Уатт (1736–1819) — изобретший паровой двигатель, и английский физик и математик Исаак Ньютон (1642–1727), открывший закон всемирного тяготения. Как представляется автору, именно Ньютон близок мироощущению художника, и, несомненно, многие идеи великого ученого можно обнаружить и в картинах мастера. Математик был глубоко верующим человеком, но тем не менее он не мог только на веру воспринимать библейское учение и смотрел на него с рационалистических позиций. Ньютон специально изучил древнееврейский язык для исследования текстов с помощью лингвистического анализа. В конце жизни ученый опубликовал результаты своих теологических исследований, такие как его собственная версия библейской хронологии, работы по библейской герменевтике и комментарий на Апокалипсис. Он предсказал конец света около 2060 г.

В композиции «Равнины неба» Мартин нарисовал ту благостную картину, которую увидит праведник, когда попадет в Рай. Это самое поэтичное произведение на тему Парадиза из всех, им созданных. В центре холста на берегу голубого озера изображены ангелы небесные. Их одеяния издали напоминают белоснежную кипень волны. Около них на лужайке резвятся маленькие ангелочки. На скалах растут дивные цветы. В этой композиции мастер применяет художественные приемы, используемые им в предыдущих живописных работах: и далекие горные вершины, и изображение водопада, и кроны экзотических деревьев. От этой картины веет тихой радостью, безмятежностью и покоем. Как уже отмечалось выше, это и визуальное представление настоящей земли фей, волшебного и мистического пространства. Именно так ее и описывали предания и легенды британского острова.

В 1853 г. Мартин приступает к иллюстрации библейской истории «Встреча Иакова и Исава», но во время работы над ней с ним случается сердечный приступ и по-

следовавший затем паралич. «Он хорошо знал, что все его планы, проекты и предложения непременно свяжут с его амбициями, что картины — это всего лишь проповеди и поучения на холсте, мосты над хаосом, временные решения проблем дня насущного. Может быть, в последние недели своей жизни, когда он сидел, парализованный, он вспоминал строчки из «Потерянного Рая» — вдохновителя его лучшего творения:

Предсказания, которые изрекают пророки,
Будут сбываться в этом мире, в беге времени,
До тех пор, пока жизнь незыблема и постоянна! И за всей бездной,
Первичным хаосом, — вечность, границу которой не постичь взгляду.

Все изведавший, поэтому я ухожу,
Умиротворенный в мыслях, и со знанием того,
Что может вмещать это судно,
К которому стремилось мое безрассудство [6, p. 216].

(Подстрочник Т. Е.)

Весьма символично, что певец британской поэзии, художник возвышенного и живописец Апокалипсиса умер и похоронен на легендарной земле — острове Мэн — на равном расстоянии от Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии, в том месте, где так близко можно увидеть Небеса (Рай).

Литература

1. Салливан К. Мифы и легенды народов мира. Шотландия. М.: Мир книги, 2008. 128 с.
2. Евсеева Т. Прошлое и настоящее Нортумберленда: Джон Мартин — архитектор будущего // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2013. Сер. 15. Вып. 2. С. 176–189.
3. Мак-Кензи Агнесс. Кельтская Шотландия. М.: Вече, 2008. 336 с.
4. Pendered M. John Martin, painter: his life and times. London: Hurst and Blackett, 1923. 278 p.
5. Дуглас Джордж. Легенды и предания Шотландии. М.: Центрополиграф, 2008. 253 с.
6. Feaver W. The art of John Martin. Oxford: Clarendon Press, 1975. 256 p.
7. Король Артур и рыцари Круглого стола. СПб.: Лениздат, 1994. 247 с.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2013 г.